

В управлении областью Цзянчжоу издавна сложился особый, глубоко укоренившийся механизм смены власти.

При прежней династии сюда назначались чиновники из центра, которые правили при поддержке местных дворянских родов и влиятельных семей. Однако истинными хозяевами положения оставались пять великих кланов. Они держали в руках всю экономику края и прямо или косвенно направляли жизнь народа, искусно ведя политическую игру с центральной властью, отгородившись от неё водами великой реки. Чтобы укрепить связи с местной знатью, императорский род былых времен начал брать в жены дочерей цзянчжоуских домов, даруя им высокие титулы в гареме.

Это привело к смуте: Цзянчжоу, прикрываясь интересами наследников престола, рожденных местными красавицами, фактически перешел на самоуправление. Назначенные столицей чиновники превратились в пустые фигуры. Им оставалось либо плыть по течению, погрязнув в коррупции, либо хранить бесполезную верность государю ценой собственной жизни. Власть на местах так и осталась в руках аристократии, и беды, приносимые могущественными кланами, не прекратились до сих пор. Даже сейчас, когда морское и гидротехническое строительство в Цзянчжоу шагнуло далеко вперед, превзойдя рыболовный промысел на другом берегу, застарелые противоречия между двумя сторонами реки так и не нашли решения.

Прежняя династия пыталась построить верфи в управе Баочуань, чтобы развить речное дело, но стоило рыбакам выйти на воду, как их лодки нещадно топили «черные корабли» банды речных перевозок. Попытки построить большие суда для выхода в море и вовсе заканчивались трагедией: едва достигнув мелководья в устье, они подвергались нападению пиратов под черными парусами. Людей убивали, а их тела вместе с обломками судов выбрасывали на берег в назидание остальным. Годами верфи Баочуань стояли в запустении, люди, жившие рекой, уходили вглубь материка, и воды великого потока фактически достались в единоличное владение Цзянчжоу.

Действуя столь деспотично, власти Цзянчжоу всё же понимали, что нельзя переходить определенную черту. Они исправно платили в казну налоги выше среднего, чтобы унять пыл столичных цензоров, и одновременно с этим за огромные деньги заманивали к себе лучших мастеров и кузнецов со всей империи. Двор, ослепленный блеском налогового серебра и не имевший возможности предложить мастерам достойного применения их талантов, попросту отдавал всех записанных в реестры ремесленников в распоряжение Цзянчжоу. Так, через кабальные контракты, область монополизировала лучшие умы империи.

Это и стало причиной нынешнего тупика Данина в борьбе за господство на реке. В империи не осталось ни технологий, ни мастеров высшего разряда. На судостроительных заводах в других провинциях прогресс замер, а те суда, что всё же удавалось спустить на воду, безнадежно проигрывали цзянчжоуским. Разрыв в мастерстве составлял не менее полувека, и противостоять морским гигантам Цзянчжоу было попросту невозможно.

В годы основания новой империи Великий император пытался сломить сопротивление,

буквально заваливая реку телами своих воинов. Почувствовав угрозу, цзянчжоуские кланы после нескольких месяцев отчаянного сопротивления отправили послов в столицу. Они хотели разрядить обстановку через династические браки, требуя, чтобы государь взял в жены их знатную деву и возвел её в сан императрицы. Однако Великий император был убежденным противником брака. Он не принял ни цзянчжоуских красавиц, ни дочерей старых столичных родов, жаждавших выслужиться перед новым владыкой. За всё время его правления место императрицы так и оставалось пустующим.

Поскольку договориться не удалось, местные кланы Цзянчжоу спрятали лучших мастеров, угрожая жизнями миллионов жителей и прекращением налоговых выплат. Это вынудило обе стороны отступить на шаг: Цзянчжоу получил право на автономию, формально признав власть династии Данин.

В те времена империю сотрясали войны и бедствия, народ страдал от нужды, и Великий император, жалея истощенных людей, был вынужден смирить свой гнев. Он пошел на уступки этим богатеям, воспользовавшимся природной преградой, но затаил обиду. Перед своим отречением он хитростью уничтожил пять семей, что бунтовали яростнее всех. И хотя морские суда и мастера по-прежнему оставались вне досягаемости, монополия Цзянчжоу была надломлена.

Когда на трон взошел император Сюаньхэ, цзянчжоуские кланы не оставили попыток вернуть былое влияние. Они вновь подали прошение, предлагая своих дочерей в жены государю, обещая взамен беспрекословно принимать столичных чиновников и поддерживать все указы. Единственным условием было присутствие их крови в императорском гареме.

Но император Сюаньхэ был воспитан самим Великим императором. С юных лет он участвовал в государственных делах и прекрасно знал, как сильно его предшественник ненавидел цзянчжоускую знать. Он понимал, что контроль над рекой — вопрос жизни и смерти для империи. Даже если бы ему предложили в жены небожительницу, он бы отказался.

Подавая пример всей стране, он взял в жены девушку из рода Великого императора. Провозгласив политику единобрачия, император и государыня вместе правили страной, навсегда покончив со старым обычаем влиять на политику через постель монарха. Надежды кланов на возвышение за счет женских чар окончательно угасли.

Путь к власти через гарем был закрыт, и знатым родам не оставалось ничего другого, кроме как отправлять своих сыновей на службу. Однако выпускники академии Цзянчжоу годами тонули в море претендентов на столичных экзаменах. Даже те немногие, кто попадал в тройку лучших, из-за сложной ситуации в родном крае не допускались к работе в кабинете министров или шести министерствах. Кровь Цзянчжоу не могла влиться в жилы империи, а сама область яростно отвергала «чужаков». Ситуация зашла в тупик. Оставшиеся мелкие группировки, выжившие после разгрома пяти великих семей, сплотились. Опираясь на спрятанные морские суда и родовые соляные прииски, они фактически создали собственное закрытое сообщество.

Янь Сю был лишь их ставленником, марионеткой для общения с двором. Тот высокомерный вид, что он принимал перед столичными чиновниками, мгновенно исчезал перед местными

богатеями. На их тайных собраниях он сидел в самом углу, смиренно слушая и не смея перечить.

Разумеется, когда в его делах или жизни случался промах, вызывающий гнев или панику у этих людей, жизнь его переставала быть завидной.

В столице прекрасно знали об этом положении дел. Как только разразилась катастрофа с гу, Би Хэн понял: местные элиты пожертвуют Янь Сю без тени сомнения. Не успев обсудить с Цуй Люем меры по спасению пострадавших, он во главе своего отряда помчался к резиденции главы области. Нужно было успеть вытащить Янь Сю, пока ему не заткнули рот навсегда.

Цуй Люй не вмешивался в официальные игры властей — у него попросту не было на это сил. Сейчас он мог заботиться лишь о том, что было в пределах досягаемости: остановить распространение гу и найти всех, кто вдохнул пыльцу мотыльков, чтобы извлечь личинок из их тел.

Что же до Цзи Байлин и Цю Саньдао... У Фан уже доложил ему о мастерстве этого воина. Цуй Люй понимал: когда Би Хэн призывал замять дело, он не встретил возражений лишь потому, что Цзянчжоу всё ещё нуждался в силе. В конце концов, боевая мощь Гвардии Нефритового Дракона намного превосходила возможности обычного инспекторского эскорта. Если Би Хэн хотел навести порядок в чиновничьих рядах Цзянчжоу, ему так или иначе пришлось бы опираться на меч Цю Саньдао.

При мысли о Цзи Байлин Цуй Люй лишь нахмурился. Пока Цю Саньдао охранял её, добраться до неё было невозможно. Месть за Ли Янь придется отложить до тех пор, пока сама девушка не придет в себя и не потребует расплаты.

Цуй Люй тяжело вздохнул. Накормленная и напоенная Ли Янь даже не подозревала, что опасность всё ещё бродит рядом. Откат сознания стер почти все её воспоминания. Она помнила лишь, что гу были дарованы ей кем-то из старших, но кто это был и где его искать — не имела ни малейшего представления. Зато Цуй Люя она теперь считала самым близким человеком: умывшись и поев, она устроилась спать прямо у края кушетки, на которой лежал он.

Она наотрез отказалась уходить в уютную спальню на чистые простыни. Пусть разум девушки и стал по-детски наивным, инстинкт самосохранения в ней обострился до предела. Она чутко ощущала, что мир вокруг враждебен, и соглашалась оставаться лишь там, где чувствовала себя в безопасности — рядом с Цуй Люем.

— Господин, Тао Сяоцян вернулся, — в комнату заглянул У Фан.

Цуй Люю приходилось несладко. Раны на спине, хоть и были смазаны лекарством, заживать не спешили. Он мог лишь лежать на животе, с трудом поворачивая голову.

— Зови его.

Тао Сяоцянь вошел с понурым видом и тут же рухнул на колени. Его щуплое тело было покрыто кровоподтеками, а половина лица распухла. Цуй Люй прищурился.

— Тебя избили?

— Да... Они допытывались, чей я человек и что здесь вынюхиваю. Я замаялся на мгновение, и они пустили в ход кулаки, — Тао Сяоцянь коснулся лица и поморщился от боли.

У Фан добавил:

— Видимо, они хотели узнать, как их маршрут стал известен посторонним. Не поверили в наш рассказ о «случайной встрече».

Цуй Люй кивнул:

— Было бы странно, если бы поверили. Это лишь подтверждает, что Цю Саньдао не из тех, кого легко обмануть, и методы у него жестокие.

Не зря Би Хэн придержал его за руку, когда уводили Цзи Байлин. Этот человек обладал и силой, и волей, и ледяным сердцем.

У Фан, всё ещё пребывая в некотором оцепенении, прошептал:

— Двое из банды речных перевозок убиты... Господин, не стоит ли нам...

Взгляд Цуй Люя похолодел.

— Те, кого мы посылали разведать обстановку на воде?

У Фан едва заметно кивнул. Цуй Люй задумчиво застучал пальцами. Он вложил в дела на соляных складах и пристанях уже не менее нескольких десятков тысяч лянов. Склады банды были забиты его железными инструментами, и он лишь ждал момента, когда у них закончатся оборотные средства, чтобы забрать пристань в счет долгов. Теперь, когда рядом был старый знакомый Би Хэн, ждать больше не имело смысла.

Стражников Би Хэна вполне можно было «одолжить» для этого дела.

Прислушавшись к шуму за окном лечебницы, Цуй Люй спросил:

— Кто-нибудь пришел? Послали людей на улицы объявить о последствиях вдоха пыльцы?

У Фан в замешательстве качнул головой:

— Люди губернатора Би били в гонги, кричали повсюду, но соседи и слухом не ведут — не верят. Судя по нашим расчетам, эпицентром стала усадьба главы области, и в радиусе тысячи метров вокруг неё марево было самым густым. Те, кто живет чуть дальше, находили мотыльков на подоконниках или на сохнувшем белье. Точные границы заражения пока не ясны.

Цуй Люй на мгновение задумался, глядя на приоткрытое окно.

— Узнай, в какую сторону дул ветер, когда мотыльки поднялись в воздух.

Мотыльки летят по ветру, значит, в том направлении беда будет серьезнее, чем в остальных.

У Фан тут же удалился. Тао Сяоцянъ всё ещё стоял на коленях. Цуй Люй указал на стул в углу, где без сознания лежал Чжан Ляньцюэ.

— Перетащи его в соседнюю комнату. Когда очнется, расскажи ему, чем грозит вдох личинок. Неважно, выдержит он правду или нет, пусть просто передаст мне своё решение. Я буду ждать разговора с ним.

Как-никак, они были старыми друзьями, и он не собирался губить его. Пусть тот сам решит — уйти в отставку или подать прошение о переводе. Главное, чтобы он покинул уезд Хуйцюй.

Их негромкий разговор потревожил сон Ли Янь. Она заворочалась и, наконец, сонно открыла глаза. Цуй Люй заметил, что к ней вернулись силы: цвет лица стал здоровее, мертвенная бледность исчезла.

— Голова еще кружится? Сил прибавилось? — ласково спросил он.

Ли Янь тряхнула головой, силясь прогнать остатки сна. Она подняла на него ясный, непонимающий взгляд:

— Дедушка, здесь жестко и неудобно. Где наш дом? Пойдем домой!

Цуй Люй погладил её по волосам. Теперь они были убраны в аккуратный пучок и перевязаны красной лентой, отчего она казалась совсем маленькой и послушной.

— Янь-эр, у дедушки к тебе есть одна просьба. Нужно немного помочь людям. Как только закончим, я сразу заберу тебя домой.

Ли Янь моргнула и послушно кивнула:

— Ну... хорошо.

Цуй Люй велел У Фану позвать людей с носилками. Пока его укладывали, а Ли Янь собиралась, У Фан негромко доложил:

— Господин, в то время дул восточный ветер.

Он на мгновение замолк и с облегчением добавил:

— Какое счастье, что не северо-западный. Иначе всё это облако принесло бы прямо к нам в Хуйцуй.

Цуй Люй опустил глаза, подавив в себе злую мысль: «Уж лучше бы всех накрыло поровну». Те немногие, кому в его видениях удалось избежать участи, превратились в бесправный скот для продолжения рода. Видя, как их собственные дети, попирая все законы морали, становятся объектами для выведения потомства, эти люди сходили с ума и кончали жизнь самоубийством, унося с собой многих других.

Кошмар, лишенный всякого человеческого облика!

— Янь-эр, подойди. Скажи дедушке, когда ты забереешь этих «деток» обратно, что станет с телами тех людей?

Ли Янь прижимала к себе банку с сушеными сливами — в лечебницах их давали пациентам, чтобы заесть горечь лекарств. Увидев их, она настояла, чтобы ей купили банку. Теперь она шла рядом, с удовольствием выбирая самые сочные плоды.

Услышав вопрос, она тут же протянула сливу к его губам:

— Вкусно! Дедушка, ты тоже ешь.

Вспомнив о вопросе, она торопливо засунула плод себе в рот и указала пальчиком на свою тонкую руку. Там, где пульсировала вена, внезапно проступил бугорок размером с ноготь. Ли Янь произнесла грустным, разочарованным голосом:

— Малыш ослаб и стал совсем крохотным. А ведь... ведь я вырастила его почти с мизинец! И вдруг — не знаю как — он выпустил своих деток. Ужасно! Теперь придется растить заново. Дедушка, моему «малышу» нужны лекарства. Очень-очень редкие и дорогие. Без них он не может двигаться внутри, а если не двигается — не растёт. Эх, он такой проказник! Я ведь говорила ему, что снаружи опасно, он же даже кусаться не умеет, зачем было убегать? Совсем

меня не слушается!

Словно в ответ на её слова, Молодой гу-король под кожей на запястье дернулся. С каждым словом она пульсировала всё сильнее, будто возмущаясь несправедливостью и желая поспорить, кто на самом деле виноват в потере «деток».

Цуй Люй терпеливо продолжил:

— А если мы соберем этих «мотыльков» обратно? Что тогда?

Ли Янь почесала макушку и легонько пристукнула по запястью, унимая беспокойную гу:

— Тогда они станут для него кормом! Эх, опять всё сначала... как же это надоедает!

Цуй Люй, сдерживая волнение, задал главный вопрос:

— А те люди, в которых сидели мотыльки? Что будет с ними? Как изменится их тело?

Ли Янь задумалась надолго, а затем неуверенно произнесла:

— Наверное... они смогут родить ребенка?

Цуй Люй замер.

— Родить? Каждый, в кого попал мотылек, сможет родить?

Ли Янь продолжала жевать сливы на ходу.

— Ну да. Этот мой «малыш» — Гу-прародительница, в нем есть и мужское, и женское начало. Те детки, что улетели и спрятались в людях или животных, с большой вероятностью могут вызвать зарождение плода. Это... ой, а как это называется?

Она снова начала чесать голову, явно запутавшись в мыслях. Цуй Люй, боясь вызвать в ней тревогу, поспешил перебить её:

— И мужское, и женское? Ты хочешь сказать, что даже мужчина, в которого попал мотылек, может забеременеть?

Ли Янь на мгновение замерла, призадумалась и медленно кивнула:

— По идее, так и должно быть. Пока я поддерживаю жизнь в Гу-прародительнице, её детки в чужих телах тоже живы. Попав в кровь, они, теоретически, способны пробудить жизнь.

Цуй Люй потерял дар речи. Он во все глаза смотрел на Ли Янь, а затем перевел взгляд на идущего впереди У Фана и двоих стражников, несших носилки. Все они находились в пределах тысячи метров от дома Янь Сю. Просто за всеми этими хлопотами они еще не успели подумать о себе. Сам Цуй Люй считал, что в его возрасте потеря возможности иметь детей — невелика беда. Но если слова Ли Янь правда, и это не «гу бесплодия», а «гу плодородия», то... то...

Ли Янь, покусывая палец, хмурилась и бормотала себе под нос:

— Что-то тут не так... Вроде те, кто дал мне гу, говорили не совсем это, но смысл был похожий. Если я здесь и «малыш» здесь — мы лечим бесплодие. А если меня нет, а есть только «малыш», и он рассердится — он истребит весь род... Как же там говорилось? Ох, забыла.

Цуй Люй сглотнул ком, подступивший к горлу. Ему хотелось вскочить и встряхнуть её за плечи: «Не смей забывать! Это серьезный вопрос! Истребление рода или... беременность?!»

И что же, мужчины будут рожать?!

Значит, тот кошмар из его видений был мезтью хозяйки и её гу?

Но сейчас и хозяйка, и Молодой гу-король целы. На кого же падет этот «дар»?

На мужчин, которые ни во что не ставят женщин?

Спина Цуй Люя отозвалась резкой болью. Невыносимой болью.

Ли Янь между тем беспечно махнула рукой:

— Да какая разница! Тот старший, что дал мне «малыша», сказал просто: неважно, мужчина или женщина. Лишь бы рожали. Дети — это благословение.

Цуй Люй схватил Ли Янь за руку и впился в неё взглядом:

— Быстрее! Посмотри на меня и на них! В нас остались твои «детки»?

Ли Янь тут же замотала головой с самым послушным видом:

— Я всех забрала, дедушка. Не волнуйся, из тебя и твоих людей — всех выманила. И тех, что летали рядом, тоже поймала. Ни одного не пропустила.

Она хихикнула с детским простодушием:

— Только бабушке в ближайшее время лучше не подходить к женщинам. А то детки появятся!

Цуй Люй закашлялся.

Ли Янь, картинно смутившись, прижала ладони к щекам:

— Мои детки делают тело сильнее и... ну, пробуждают ту самую силу внутри! Хе-хе, даже если в роду девять поколений был только один наследник, я помогу ему вырастить целое племя из сотни человек. Я очень умелая!

Цуй Люй вцепился в края носилок и закричал своим людям:

— Быстрее! Скажите тем, кто бьет в гонги: добавьте еще одну фразу! Если не хотите стать свидетелями чуда — как мужчины рожают детей — немедленно бегите сюда изгонять насекомых!

Всё смешалось. Мир сошел с ума!

— Где Би Хэн? Срочно найдите Би Хэна!

Цуй Люй колотил кулаком по носилкам, раздавая приказы. Внезапно он замер.

— Пойдите... пойдите. Дайте мне подумать. Дайте мне время.

Ли Янь сейчас сама не своя, её разум в тумане. Насколько можно верить её словам?

Проклятие бесплодия в его видениях подтвердилось. Но эта новость о «беременности без разбора пола» исходила только от неё. Правда это или вымысел — еще предстоит узнать. Неужели ему придется ждать, пока кто-то «залетит», чтобы поверить?

Глаза Цуй Люя хитро блеснули. Он снова посмотрел на Ли Янь:

— А если кто-то забеременеет, но не захочет рожать? Что делать?

Ли Янь недовольно выпятила губу:

— Ну... пусть пьют отвар для выкидыша и всё.

Цуй Люй прищурился, недобро глядя в сторону руин дома Янь Сю и особняков тех богачей, что были там гостями. Он хлопнул по носилкам, отдавая приказ:

— Сначала идем к тем, кто живет на окраине тысячеметровой зоны, куда дул ветер. Будем собирать мотыльков там.

А те господа, что гуляли на празднике у главы области... Неважно, ждет их бесплодие или «нежданное прибавление» — они должны испить эту чашу до дна. Раз уж они с таким упоением участвовали в мучениях Ли Янь, то пусть теперь на себе испытают её «самооборону».

Он хотел увидеть выражение лиц этих почтенных мужей, когда они узнают истину.

Напряжение, сковывавшее сердце Цуй Люя, внезапно отпустило. Правда это или нет, сейчас главное — уберечь простых людей. А что до остальных...

Хе-хе. Пусть приползают на коленях к Ли Янь, обливаясь слезами и моля о прощении!

Ему нужно составить список требований о возмещении ущерба. Лечение Ли Янь и прокорм Молодого гу-короля влетят в копеечку — она ведь сама сказала, что ей нужно «очень-очень много» дорогих лекарств!

Самое время пустить кровь этим толстосумам.

<http://bllate.org/book/16118/1586456>